

Книги Владимира Корна
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**АРТУА. ЗОЛОТО ВАЙХОВ
АРТУА. ЗВЕЗДА ГОРНА
АРТУА. УЧЕНИК УЧЕНИКА
АРТУА. БЕРЕГ СКАРДАРА
АРТУА. ДВОРЕЦ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ**

ДАРИУС ДОРВАН. НАЕМНИК

**ВОСЕМНАДЦАТЬ КАПСУЛ КРАСНОГО ЦВЕТА
ОТРЯД СМЕРТНИКОВ**

КРИСТИАН ФЛОЙД. СТРАЖ ЛИБЕРИЛЛЯ

**СЧАСТЛИВЧИК ЛЕОНАРД
УДАЧНИК ЛЕОНАРД. ЭХО ПРЕЖНИХ
ВЕЗУНЧИК ЛЕОНАРД. ЧЕРНЫЙ КОРСАР
ЛЕННАРТ ФАРТОВЫЙ**

ТЕОРЕТИК

**ТЕОРЕТИК. ОДИН И БЕЗ ОРУЖИЯ
ТЕОРЕТИК. РЕКВИЕМ ПО МЕЧТЕ
ТЕОРЕТИК. ХРАМ ИЗ ХРУСТАЛЯ
ТЕОРЕТИК. ВТОРОЙ ШАНС**

АДЪЮТОР

АДЪЮТОР. ВОЛКИ С ВЕРШИН ДЖАМАНГРЫ

ГЛАВА 1

— Ну и где были мои мозги?! — Головешка патетически воздел руки к небесам.

«Там же, где и всегда раньше, — цинично подумал я. — Старательно от тебя прятались, и ты считанные разы смог их найти».

— И почему я не остался в пиратах?! — продолжил стелать Тед. — У меня было столько предложений!..

— Трюмной крысой? — с иронией поинтересовался Блез.

Согласен, Теодор, с его габаритами, идеально подходит для этой должности, способный пролезть в самый узкий уголок корабля.

— Головешка, не вертись! — строго сказала Рейчел. — Левый глаз нужно до ума довести. Так, вот и все! Разве что чуть помады на губы добавить.

Тот страдальчески сморщился.

— А что, вполне симпатичная девица получилась! — разглядывая Головешку со всех сторон, оценил старания Рейчел виконт Антуан дю Эскальзер. — Обязательно должны клонуть!

С трудом выбравшись с острова Тересса — пристанища головорезов, душегубов и прочего отребья (благородных пиратов — хотел сказать) на материк, поначалу мы никак не могли определиться: чем же нам заняться дальше? Сам я склонялся к мысли продолжить карьеру охотника за сокровищами Прежних — поприще, на котором считаю себя профессионалом.

Рейчел заявила, что супружеский долг требует от нее следовать за мужем, что бы тот ни решил. Добавив, что надеется обрести семейный очаг еще до того момента, когда полностью поседеет от старости.

Мэри, ее служанка, на мой взгляд — совершенно ветреная девица, поклялась, что свою госпожу, которая сделала ей так много хорошего, не бросит ни за что.

Бывший моряк Казимир, человек, волей судьбы пробывший на необитаемом острове долгих семь лет, куда мы его не спасли, признался — он согласен на любое занятие, лишь бы оно никаким боком не было связано с морем, которое у него уже в печенках.

Головешка горячо настаивал на том, чтобы захватить очередной корабль и снова стать джентльменами удачи.

Виконт Антуан дю Эскальзер выразил намерение вернуться в родной Виргус, надеясь полностью отдать себя науке. В частности — истории. Боги одарили Антуана такой бурной фантазией, что для меня даже удивительно — как столь много ее смогло поместиться в единственном человеке?! И потому я глубоко был убежден — историк получится из него замечательнейший!

Барри права выбора оказался лишен. Ибо он — пес, и его собачья доля — следовать туда, куда и направляются хозяева — я и Рейчел.

С тробором Гаспаром все обстояло куда сложнее. Он неоднократно спасал мне жизнь, и, будь моя воля, я не расстался бы с ним за все деньги мира. Но Гаспар — чудесный механизм Прежних, мозги у него шестеренчатые, соответственно и логика точно такая же. А потому нельзя исключить того, что он не покинет нас в любой момент. Пока боги миловали, и все-таки вероятность весьма высока.

Самым твердым в своем решении был Блез. Когда очередь дошла до него, он поднялся на ноги, некоторое время смотрел куда-то на север, затем начал:

— Друзья мои... да что там — братья! Вы все мне дороги, и для каждого из вас есть место в моем сердце. И все-таки

я вынужден вас покинуть, ибо меня призывает долг, которому я уже не могу противиться.

Мы знали, что Блезу нужно вернуться в родной Айсейнт, чтобы отомстить тем, кто вырезал его родной клан Рысей под корень. «Навести справедливость», — как однажды сказал он. Все молчали, впечатленные его проникновенной речью, а Мэри даже плакала навзрыд. Частью из-за слов Блеза, а еще по той причине, что была тайно и горячо в Блеза влюблена. Подобное с ней случалось часто — Мэри постоянно от кого-нибудь без ума. В того же виконта Антуана она влюблялась не меньше пяти раз. И пусть дело у Мэри никогда не доходит даже до поцелуев, но девушка непременно спадает с лица, становясь бледной и несчастной. Затем, когда страсть утихает, ей становится немного легче. Что продолжается недолго — до следующей ее любви.

Но как бы то ни было, после его речи ко мне и пришла уверенность, что не смогу бросить на произвол судьбы своего верного друга и боевого товарища, который много раз меня выручал. Иначе выходило почти предательство.

— Блез, рассчитывай и на мою помощь!

— Благодарю, Лео! — крепко пожимая мне руку, с чувством сказал он. — Будь все иначе, я и сам бы о ней у тебя попросил, но ты человек семейный. Я и сейчас не уверен, что тебе стоит идти со мной, ведь дело предстоит слишком опасное!

Если Рейчел поначалу и не обрадовалась моему заявлению, то теперь все изменилось.

— Нет, как же все-таки вы, мужчины, низко цените нас, женщин! Вы что, думаете, нам не присуще благородство, а мы все как одна трусливы?! И зря!

— Госпожа Рейчел права! — горячо поддержала ее Мэри, не сводя с Блеза затуманенного взора.

После такого дю Эскальзеру не оставалось ничего иного, как присоединиться. Иначе получалось, что пострадает его дворянская честь — он испугался того, чего не бояться дамы. Обосновал свое решение тем, что кому-то ведь

нужно заняться летописанием борьбы Блеза за восстановление справедливости.

— Если нам не придется плавать по морям, то и я с вами, — кивнул Казимир. — Ума не приложу, куда мне податься. А к вам я уже привык.

— По морям — это вряд ли, — успокоил его Блез. — Море есть и у нас, но находится оно на противоположном краю Айсейнта, а нам так далеко не надо.

Все мы дружно посмотрели на Головешку, ведь тот оставался один. Тед какое-то время раздумывал.

— Ладно, — наконец кивнул он. — Хотя до ужаса и не хочется, но придется идти с вами: явно же вы без моей помощи не справитесь.

У Блеза, который в любое другое время не преминул бы основательно поддеть Теодора, чем он всегда и занимается, на этот раз подозрительно заблестели глаза.

— Спасибо тебе, брат! — сказал Блез, хлопая его по плечу так, что бедного Головешку согнуло едва ли не пополам.

В какой-то мере Головешка оказался прав — без него было не обойтись. Первой проблемой, и с ней мы столкнулись сразу же по прибытии в Айсейнт, стала необходимость проникнуть в замок, чьим видом мы любовались с опушки заснеженного леса.

— В него следует пробраться лазутчику, — рассуждал Блез, и все внимательно его слушали. — А ночью ему нужно открыть ворота и для остальных. Или сбросить со стены веревку. Проблема в том, что вряд ли внутрь замка пустят кого-нибудь, кроме женщины. Когда все и со всеми воюют, любого незнакомого мужчину его обитатели воспримут как врага, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Я не знаю, как открывать ворота, особенно ночью, — тут же заявила Рейчел.

Судя по ее виду, ей совсем не хотелось пробираться в замок лазутчиком. Да и кто бы ее отпустил? Мэри сделала

вид, как будто не слышала рассуждений Блеза вообще, и потому мы с надеждой посмотрели на Головешку.

— Считаю, Теодор вполне бы смог женщину заменить, — глядя на него, задумчиво сказал Казимир. — Безусловно, если переодеть его в женскую одежду, накрасить губы и подвести глаза.

Те у Головешки налились яростью.

— Ты хотя бы думаешь, что говоришь?! Чего бы ради мне становиться женщиной?! Совсем одичал на своем острове?!

— Теодор, это ведь не навсегда, — мягко сказал виконт Антуан. — Только до ночи, когда откроете нам ворота.

— И все равно не буду!

— Так и скажи, что трусишь, — грустно вздохнул Блез. — А значит, тебе и в женщину переодеваться нужды нет.

— Сам платье и надевай!

Сложнее всего представить Блеза в образе женщины: говорящий басом бородатый верзила, со шрамами на обеих щеках. Не подходили и другие кандидатуры. Казимира жизнь на необитаемом острове заставила физически развиваться так, что плечами он не уступал ни мне, ни Блезу. Разве что с огромной натяжкой виконт дю Эскальзер. В том случае, если он сбреет щегольские усы, за которыми ухаживал ежедневно, и аккуратную бородку-эспаньолку. Но он так же высок ростом, как и все остальные, за исключением Теодора, платьев такой длины ни у Рейчел, ни у Мэри не найдется, а выглядывающие из-под подола ботфорты с рыцарскими шпорами выглядят крайне подозрительно. Вот и получалось, что подходящей кандидатурой на женскую роль был только Теодор. Вероятно, мысль насчет платьев пришла и в голову Блеза.

— Я бы пошел и не заробел в отличие от тебя, — заявил он, почесывая горло под бородой, — но где же на меня найдется подходящего размера платье? Сознайся, что трусишь, и дело с концом.

Для Головешки после того, как Рейчел удалось Теда при помощи перстня от нее избавить, обвинение в трусости было подобно размахиванию красной тряпкой под носом у племенного быка.

— Это я трушу?! — грозно вращая очами, взревел он.

— Нет, пес Барри, — снова вздохнул Блез. — Что тут сложного для настоящего мужчины? Надел платье, накра-сил губы, подвел глаза, пробрался в замок и ночью открыл ворота. Но это для настоящего!

— Рейчел, давай свое платье!

— Чего это сразу свое?! — возмутилась она. — У меня и еще несколько есть. Головешка, тебе какое? — копаясь в вещах, через плечо поинтересовалась Рейчел. — Вот это, в белый горошек, подойдет? — И тут же его забраковала: — Нет, оно явно не по сезону, слишком легкое. Может быть, в синюю полоску, с кружавчиками по подолу? Тоже не то: не станет оно с платком гармонировать, а его так или иначе на голову придется надеть. Все, нашла! Смотри, какое красивое — с розочками, со складками на лифе, и к платку самое то!

Головешка скрипел зубами, но держался. И так же безропотно позволил себя переодеть. Затем дело дошло и до макияжа. Уже готового к выходу, его несколько раз вокруг обошел Казимир.

— А что, вполне себе ничего девица получилась! — заключил он. — Признаюсь, я, когда жил на необитаемом острове, примерно о такой все семь лет и мечтал.

Комплимент конечно же был сомнительным, но он означал, что старания Рейчел не пропали даром.

— Знаете, господа... — задумчиво протянул виконт дю Эскальзер. — Как будто бы и все в порядке, но создается такое впечатление, что не хватает заключительной детали. Но какой именно, никак не могу уразуметь.

Одежда на груди Головешки вздымалась: туда пошли запасные подштанники Казимира, и виконт явно рассуждал не о том.

— А ведь и верно, Антуан! — воскликнула Рейчел. — Не хватает чего-то. — И тут ее озарило. — Косы должны из-под платка выглядывать! Обязательно светлые. Иначе Головешке и макияж, и наряд придется менять, потому что не в тон.

С косами возникла проблема. Во-первых, они должны быть светлыми, а значит, цветом волос подходила только Рейчел, ведь Мэри — брюнетка. Но лишать любимую одного из главных женских украшений даже по такому серьезному поводу совершенно не хотелось, и потому я огляделся по сторонам, отчаянно пытаюсь найти выход из положения. В голову совсем ничего не шло, когда случайно наткнулся взглядом на бороду Блеза. Тот начал отращивать ее сразу же, как только принял решение вернуться на родину. И не успокоился, пока у него не появилась возможность заплести бороду в две косички.

— У нас все так ходят, — объяснил он. — А по-иному и неприлично. Вам будет простительно — чужестранцы, но не мне.

Косички до сих пор были не особенно длинными, но, если их отрезать и пришить Головешке на воротник, они точно будут видны из-под края платка, и тогда вполне могло сойти.

— Блез, — сказал я. — Сдается мне, что с бородой тебе придется расстаться.

Мою мысль он уловил сразу, но никакого удовольствия она ему конечно же не доставила. В отличие от Головешки, который тоже понял, в чем дело.

— Блез, сам отрежешь или мне помочь? — злорадно спросил Тед.

— Сам, — обреченно вздохнул он, извлекая из ножен кинжал.

Блеза спасла Рейчел. Несомненно, идея была подана ею для того, чтобы уберечь собственные волосы, когда решила, что без этого не обойтись.

— Не нужно ничего резать, — сказала она. — Можно поступить следующим образом. Далеко не всегда женщи-

ны выпускают косы из-под платков. Кое-кто укладывает их на затылке. Так вот, если взять кусок веревки, сложить ее кольцами и закрепить на голове Головешки, получится обойтись и без обрезания кос.

— Получится ли? — засомневался Казимир. — У Теодора голова обрита наголо, тут никакие заколки не помогут. Хотя один вариант есть.

— Какой именно?

— Вокруг полно деревьев, на них смола, которая вполне сойдет вместо клея. Ею-то свернутую кольцами веревку к голове Теда и прикрепить.

— Неплохая идея, — подумав, кивнул Блез. — Ну не гвоздями же приколачивать?

Обошлось и без веревок, и без обрезания кос. Благодаря виконту Антуану дю Эскальзеру, который внезапно вспомнил, что в его багаже завалялся длинный белый парик.

— С буклями и косицей. Я в нем диплом магистра алхимии защищал. С тех пор и остался как память, — пояснил он. — Вообще-то парики под платками никто не носит, но сейчас ведь исключительные обстоятельства? Букли, кстати, можно обрезать. Или даже не трогать, но подождать. Когда стемнеет, все должно сойти и так.

— В темноте ворота замка не откроют никому, — покачал головой Блез. — Даже женщине. И потому следует поторопиться.

Наконец к отправлению Теда на вылазку все было готово, но тут возникла главная проблема. И догадалась о ней Рейчел. Недаром же моя любимая мало того, что красавица, так еще и умница, каких поискать.

— О боги! — внезапно воскликнула она. — Ничегошеньки у нас не выйдет!

— Почему это? — удивился Блез. — Девушка как девушка. Выглядит, правда, шлюховато, но тем больше шансов, что ворота откроют.

— Да потому что у женщины и походка должна быть женской, вот почему! А что у Головешки?!

— Резонно, — согласился с ней виконт. — Иные дамы внешне абсолютно ничего собой не представляют, но походка у них!.. — И он мечтательно закатил глаза.

— Вот и я о том же, — сказала Рейчел, довольная тем, что дю Эскальзер сразу ее понял. — Так вот, она у Головешки должна быть такой, чтобы ворота в замке распахнули во всю ширь еще задолго до того, как он к ним начнет подходить.

— Задом крутить не буду! — Теодор побагровел так, что Рейчел на него накинулась:

— Головешка, вообще-то я тебе макияж на твой естественный цвет лица накладывала, а сейчас что?! Все мои старания насмарку!

— Не буду, я сказал!

— Дело изначально было безнадежно, — развел руками Блез. — Для таких дел нужна отвага, а наш Головень только и ищет причины, чтобы отказаться, поскольку трусит.

— Ладно, показывайте, как там и что, — нехотя сказал Теодор.

— Рейчел, даже не вздумай показывать: ты замужня женщина! — решительно заявил я. — На словах объясняй.

— Но, Лео, так ведь будет куда нагляднее!

— Нет, я сказал!

— Хорошо, словами так словами. Головешка, слушай внимательно. Слушаешь?

Тот угрюмо кивнул.

— Значит, так: походка для женщины — немаловажная часть ее образа, и от нее зависит очень много.

— Рейчел, давай сразу к делу, — тяжело вздохнул Головешка.

В голосе Теодора сквозила вселенская грусть, и я отлично его понимал. Мужчины созданы для того, чтобы переворачивать мир вверх дном, захватывать целые континенты, а Головешку учат крутить задом.

— К делу так к делу. Вдаваться в подробности теории правильной женской походки я не стану и потому лишь объясню основные ее постулаты.

— Чего?!

— Ладно, — махнула рукой Рейчел. — Совсем уж упрощу. При ходьбе пятку шагнувшей ноги ставишь у носка опорной, причем так, чтобы ее собственный носок смотрел чуть в сторону. Но не внутрь, наружу! Одновременно бедро необходимо подать вперед. Насколько сильно вперед — тут уже все зависит от поставленной себе задачи. Желаете ли просто обратить на себя внимание мужчины, ясно дать ему понять, что он тебе нравится, или чтобы он почувствовал к тебе непреодолимую страсть. Пока все понятно?

Головешка неуверенно кивнул.

— Тогда пойдем дальше. Верхняя часть тела тоже должна работать. В талии, а также грудь, плечи, руки, а еще обязательна правильная посадка головы.

Рейчел взглянула на меня вопросительно: это-то показать можно? Я кивнул: как работает верхняя часть тела — показывай.

— Госпожа Рейчел, а мне вы никогда не объясняли, как правильно ходить нужно! — В голосе Мэри было полно обиды.

— Тебя Головешка потом научит, — не удержался Блез.

— Еще раз влезешь, и вы оба с Теодором учиться будете! — пригрозила ему Рейчел, и он на всякий случай поспешно отошел в сторону. — Все, с теорией покончено, переходим к практике. Не горбись, грудь вперед, подбородок повыше, а ноги для начала ставь так, как будто твоя задача — просто привлечь мужское внимание. Усвоишь, перейдем к более сложным вещам.

Головешка упал на третьем шаге, старательно отвернув морду в сторону, чтобы не размазать о снег макияж.

— Лео! — взмолилась Рейчел. — Тут показывать нужно!

— Ладно, показывай, — скрепя сердце разрешил я. — Но никому не подглядывать! Да, вот еще что, только первую цель.

Не хватало еще, чтобы Блез, Казимир и дю Эскальзер начали испытывать к моей жене непреодолимую страсть: все равно ведь будут подсматривать, как за ними ни следи.

— Господин Леонард, а мне смотреть можно? — робко поинтересовалась Мэри. — Вообще-то мне побольше Теодора нужно.

— Ты уж поосторожней там, Теодор! — приобнял Головешку на прощанье Блез. — В моем народе извращенцев не любят! Обнаружат подмену — выкинут за ворота. Хотя, скорее всего, с крепостной стены сбросят. Удачи тебе! — проникновенно сказал, но в следующий миг не выдержал и снова стал самим собой. — А главное, замуж не выйди.

— На свете нет ничего невозможного — дело только в том, хватит ли у тебя храбрости! — торжественно произнес Казимир, глядя на спину удаляющегося Головешки.

Афоризм он, несомненно, услышал от одного из попугаев самого Теодора, которые до недавнего времени постоянно находились у того на плечах. Затем, когда мы удалились на север и климат стал куда холоднее, ему пришлось с ними расстаться.

— Ну и зря, — помню, сказал Головешке Блез. — Мог бы что-нибудь и придумать, чтобы они не мерзли. В наших краях попугаев нет, а уж за таких-то умных тебе точно бы по весу золота отвалили. Причем не по птичьему весу — по твоему собственному.

Жадного Головешку потерянная возможность обогатиться расстроила так сильно, что он надолго впал в депрессию.

— Да уж, согласен, храбрости у него не отнять! — соглашаясь с Казимиром, кивнул виконт Антуан. — Полезть в логово, в женском обличье, зная, что с тобою произойдет, если тебя раскусят!.. Остается только надеяться, что снег достаточно глубок, и, если Теодора все же сбросят со сте-

ны, он все-таки выживет. Пусть даже парализованным, ведь тогда за нами останется долг ухаживать за ним до конца его жизни. Кстати, дров под тробором не пора ли добавить?

Тробор Гаспар стал еще одной проблемой, когда мы прибыли в северные края. Поначалу с холодом он как-то справлялся, но затем нам пришлось время от времени его подогреть, разжигая под ним костер, иначе механизм застывал. Затем виконту (ну недаром же он ученый) пришла в голову довольно простая конструкция. Та представляла собой несколько цепей и металлическую чашу, которая, если правильно навесить на тробора цепи, оказывалась под его брюхом. В ней мы разжигали огонь, и его приходилось поддерживать постоянно.

Тот же виконт дю Эскальзер предположил — все дело в летней комплектации тробора.

— Судите сами, — рассуждал он. — Мы обнаружили тробора в таком климатическом поясе, как тропики. Остров, где он и нашелся, расположен практически на экваторе. Ну и зачем ему нужна другая?

— А они имеются? — помню, спросил Казимир, который, кстати, и откопал тробора из-под груды камней.

— Ну конечно же! Взять, к примеру, рыцарей. И без слов понятно, что их комплектация меняется в зависимости от сезона. Летом больше всего внимания они уделяют вентиляции доспехов. Зимой же — другое дело. Тут тебе подогрев седла и уздечки, и, извините, леди, — посмотрел Антуан на Рейчел, — нижнее белье с двойным начесом. Впрочем, как и множество других необходимых вещей, поскольку металл имеет скверное свойство аккумулировать холод. И если провести аналогию рыцаря с тробором, ведь в обоих случаях металл — основная часть их конструкций, получается — этот чудесный механизм именно в летней комплектации. Что и понятно, стоит только учесть, где он эксплуатировался. Прежние были куда умнее нас, а следовательно, и деньги считать выходило у них намного лучше.

Но как бы то ни было, Блез звонко хлопнул себя ладонью по лбу, ведь именно его очередь была следить за тробором сегодня.

— Совсем забыл с этим проклятым Головешкой! — воскликнул он, бросаясь вглубь леса, где и находился тробор. И уже издалека донеслось: — Только бы успеть!

Все верно: если тробор остынет до определенной температуры, вернуть его к жизни станет целой проблемой.

Головешка исчезал вдаль, все давно уже занимались своими делами, и лишь я продолжал на него смотреть. Что с моим-то чудесным зрением, которое смело можно назвать даром богов, было совсем несложно. Вот он посчитал, что приблизился к замку достаточно близко, и усиленно завихлял бедрами. Тед не любит холод немногим меньше тробора, и мерзнуть перед воротами замка ему совсем не хотелось.

«Удачи тебе, Теодор! И обязательно постарайся остаться в живых!» — глядя на него, думал я, невольно смахивая набежавшую на глаз предательскую слезу. Благо что увидеть ее не мог никто.

ГЛАВА 2

— Нет нигде Головешки, — вздохнул Блез.

— Нет, — согласился с ним я.

— Возможно, они просто убили его, а утром увезут на поля. На растерзание волкам, их у нас много.

Мы с Блезом успели обойти замок несколько раз. Время шло, скоро наступит утро, и по всем нашим расчетам Головешка давно уже должен открыть ворота. Или скинуть веревку с высоченной стены. Замок был так себе. Сложенный из диких камней, он представлял собой четыре стены с шестью башнями — угловыми и парой надвратных. Но высота самих стен впечатляла.

— Здесь все замки такие, — рассказывал Блез еще на опушке леса. — И в каждом сидит какой-нибудь клан.

Редко, когда у клана их два. Ну и еще деревни вокруг любого из них. Когда мужчина чувствует, что становится стар и воин из него уже так себе, в них он и поселяется.

Теперь оставалось единственное — лезть на стену. Блез — неплохой скалолаз, но я все тянул. Щелей в каменной кладке хватало, впрочем, как и набившегося туда снега, который сначала подтаял, а затем стал льдом. И потому карабкаться наверх было почти безрассудством.

— Возвращаемся к воротам, — желая хоть как-то отсрочить гиблое дело, предложил я. — Возможно, Головешке все-таки удалось их открыть.

И мы пошли, крадучись, прижимаясь к стенам, чтобы нас не смогли увидеть дозорные наверху, но у ворот нас снова ждало разочарование.

— Ну что ж, Лео, откладывать больше нельзя, — сказал Блез, сбрасывая с себя шубу из козьей шкуры и перекидывая через плечо моток веревки, которая позволит взобраться на стену и мне. — Одна только надежда, что, если поторопимся, Головешку все-таки удастся спасти.

Блез уже потерял одну ладонь о другую, намереваясь ухватиться за ближайшую щель между камнями над головой, когда мое внимание привлек пробивающийся сквозь ворота лунный свет.

— Стоп, Блез! Ты только посмотри!

— Быть того не может! — пораженно прошептал он. — Это же калитка!

— Вот и я о том говорю.

— Ну и какому идиоту пришла мысль прорубить во вратах калитку?! Ее с одного удара тараном вынесут, а затем уже пустяки!

— Потом, все потом, — пришлось прервать его разглагольствования. Калитка подалась легко, едва надавил на нее ладонью. — Входим!

И мы с обнаженными клинками в руках — я с кортеласом, а Блез с палашом — вошли, ожидая, что на нас в любой момент накинутся и тогда придется отступить, уничтожив при этом столько врагов, сколько получится. Но

нет, внутренности замка встретили нас тишиной, и лишь откуда-то сбоку, из копны сена, раздавался мощный храп. Богами можно было поклясться — караульного. Блез покачал головой.

— Что делаем дальше, Лео?

План сложился у меня мгновенно.

— Берем кого-нибудь в плен, потрошим, узнаем о судьбе Головешки. Дальше освобождаем Теда или уносим с собой его тело. Мы не можем позволить себе бросить здесь Теодора даже в том случае, если он уже мертв! Что мы потом о себе будем думать?!

— Согласен полностью, — кивнул мой напарник. — Тогда нам туда. — И он палашом указал на самый большой дом, где света в окнах было больше всего.

Мы крались по спящему замку, стараясь все время держаться в тени. Осторожно проникли в дом, какое-то время пробирались по темному коридору, готовые отразить внезапный удар. Проходя мимо очередных дверей, а их в коридоре хватало, мы и слышали голос пьяного Головешки:

— Ты что, тупой?! Уже в который раз тебе говорю, я — лазутчик! А это все для маскировки!

Голос у него был злым и уставшим.

— Лазутчик, говоришь? Ну и что ты тут собрался разведывать?

— О боги! Ничего не собирался. Моей задачей было открыть ворота.

— А что, их когда-нибудь закрывали? Ладно, наливай. Да по полной, так, как у нас принято! В краю, где мужчины никогда не позволят надеть на себя женскую одежду, пусть даже ценой будет их жизнь!

Послышалось бульканье, а мы с Блезом переглянулись: что бы все это значило?

— Ну и за что выпьем на этот раз? — Язык у Головешки заплетался.

— Тут сразу и не вспомнишь, за что мы еще не пили. Давай за воинское братство. Стоп! Кажись, уже было. Тео-

дор, может быть, ты что-нибудь предложишь? Только не за красивые наряды. — И говоривший издевательски заржал.

— Да что ты обо мне знаешь?! — Из-за дверей послышался такой звук, как будто Головешка со всей силы ударил по столу кулаком. — Да мы с Лео всего в две сабли корабли на abordаж брали!

«И когда это мы успели? — скептически подумал я. — Был случай, когда мне пришлось захватить корабль в одиночку. Немалый корабль — пинас, где команда далеко за сотню. Но тогда мне помог тробор. Хотя если быть честным, это я ему помогал. Вернее, не путался под ногами».

— Надеюсь, платья у вас при этом были друг другу в тон?

И следом залиvistое — ха-ха-ха!

— Блез, входим! — решительно заявил я, пряча саблю в ножны, кипя от негодования и пинком открывая дверь.

Картина, которую мы увидели, после подслушанного разговора, была вполне ожидаема — Головешка порядочно во хмелю и не менее пьяный его собутыльник. А еще заставленный бутылками, жбанам и кувшинами длиннущий стол. Посередине на блюде лежал изрядно объеденный жареный поросенок, и целой у него оставалась только голова. И никаких тебе дыб, устрашающего вида клещей для вырывания органов, ржавых цепей с кандалами и всего прочего. Оружия — да, хватало: им все стены были увешаны. Сам Теодор не выглядел так, как будто его подвергли мучительным пыткам. Все в том же платье Рейчел с крупными яркими розами по подолу и лифом в складках, но на лице ни малейших следов косметики — Тед успел ее смыть.

Собутыльник Головешки походил на родного брата Блеза. Старшего брата, поскольку на взгляд ему было около сорока. Такой же светловолосый и светлоглазый, широкоплечий, что называется — с бычьей шеей. И длинным носом с горбинкой. Но сколько мне ни приходилось

встречать соплеменников Блеза, все они именно так и выглядят. Что же касается носа, виконт Эскальзер объяснил его длину и горбатость следующим образом:

— Айсейнт — высокогорье, и, как следствие, недостаток кислорода. Отсюда такая форма.

Всем ведь известно — чем выше труба, тем сильнее тяга? Ну а дуга дает возможность увеличить, так сказать, протяженность ее дымохода. Как изогнутость режущей кромки у сабли. Обычная геометрия!

— О, Лео пришел! — обрадовался моему приходу Головешка. — О нем я сейчас и говорил. Блез, привет. Знаете, как раз за вами собрался идти. А это, — указал он на собутыльника, — Олаф Твердобородый.

— Какой Олаф? — переспросил я, полагая, что ослышался.

— Твердобородый. Он здесь хозяин всего. И замка, и земель вокруг. Да вы проходите оба, присаживайтесь.

Олаф не выглядел ни настороженным, ни напряженным. Все верно, оружие мы спрятали в ножны, а здесь, в краю суровых людей, вполне вероятно, двери именно так всегда и открывают — ударом ноги.

— Присоединяйтесь, — кивнул Олаф. — Только вы уж сами себе что-нибудь налейте: ночь, слуги спят. Там брага на меду, там эль, вон в том бочонке ром, — поочередно указывал он рукой. — Там и там джин и аквавит. Пиво, правда, закончилось, но вроде завтра должно дозреть, свеженького и попьем. Или вам хотелось бы мартини? — нейтральным голосом поинтересовался он, косясь на платье Головешки. — Увы, чего нет, того нет.

Блез хмыкнул, уселся за стол и, освобождая на нем место, широким движением руки сбросил перед собой все, что под нее попало. Он — уроженец Айсейнта, ему известны законы здешнего этикета, и потому я в точности повторил его действия. Олаф одобрительно крикнул.

— Ты, я так понимаю, чужеземец, — посмотрел на меня Твердобородый. — Ну а ты наш, — перевел он взгляд на Блеза.

— Истину говоришь. — Блез кивнул, наполняя кружки до краев элем. — Это чтобы горло промочить, перед тем как начать бражничать нормальным питьем, — пояснил Блез для Олафа, на что Твердобородый крякнул снова: мол, все правильно!

— Дай я угадаю, из каких ты мест, — сказал он. — Сдается мне — из Гарданики, уж больно выговор похож.

— Все так и есть, — кивнул Блез.

— Из какой-нибудь глухой деревни высоко в горах.

— Это еще почему?! — оскорбился тот.

Вообще-то Блез — сын главы клана, а его принимают за деревенщину.

— Ну и откуда еще? Бороды в косы лет пять уже не заплетают, хорошо хоть бусинами украшать не стал. — И Твердобородый погладил собственную, больше всего похожую на шкиперскую.

Блез говорил, что его на родине ровно столько и не было. «Многое за этот срок здесь изменилось! Бороды в косы не заплетают, в воротах калитки делают, а всех незнакомцев не пытаются убить, едва только увидят», — размышлял я, одновременно осушая кружку. Вслед за Блезом поставил ее на стол со всего размаха: здесь так принято, достаточно посмотреть на глиняные черепки на полу, все ими завалено.

— Получается, это вы лазутчика и послали?

Блез кивнул, а сам Олаф пустился в воспоминания:

— Смотрю, в замке новая девица объявилась. Шлюховатая с виду, но смазливая!.. А как она шла! Мм!.. — Твердобородый закатил глаза. — Кто такая? Почему не знаю? Дай, думаю, познакомлюсь. Ну я ее по заднице всей пятерней раз! И тут мне кулаком в морду прилетает. Да неплохо так, аж качнуло, — потрогал он припухлость на щеке.

— Его Счастличик Леонард бить учил, — пояснил Блез, указывая на меня кружкой. — У него самого удар с правой — как лошадь лягнет копытом! Никому еще устоять не удавалось.

«Нелишнее предупреждение, — подумал я. — Если ты так с Рейчел пожелаешь познакомиться, не миновать тебе зубы по всему замку собирать!»

— Ну а дальше мы уже разговорились, — продолжил Олаф. — Ладно, давайте выпьем, а потом ваш лазутчик сагу еще раз споет, про Рейрика Дубоголового. Нет, какие же все-таки в старину саги складывали! Не чета нынешним! На что я человек не сентиментальный, но даже из меня слезу вышибло.

Я посмотрел на Головешку, который успел заснуть, упершись лбом в столешницу: на выпивку он слаб.

— Уже в третий раз засыпает, — пожаловался Олаф. — Если не в четвертый. В последний — на самом интересном месте. Когда Рейрик со своей дружиной напал на купеческий корабль, у которого все трюмы были забиты молоденькими невольницами. И вот опять. Лазутчик! — окликнул он Теодора, но Головешка лишь что-то невнятно промычал во сне.

То, что Головешке откуда-то известны слова древней саги, пусть никогда прежде он в этих краях не бывал, меня несколько не удивило. Его вполне хватит и на то, чтобы прямо на ходу их придумывать: он тот еще лгун. Но сюда следовало привести Рейчел, Мэри и остальных — зачем им мерзнуть в лесу возле костра? К тому же тробору следует отогреться. Боги только и знают, что у него в голове. Померзнет-померзнет, и придет ему мысль нас бросить, а на тробора у меня особые надежды. Да и пожитки в таком случае придется нести на себе, ибо с деньгами у нас худо и купить вьючных лошадей не на что. Хотя трудно разобраться, где именно у тробора находится голова, ведь представляет он собой шар с тремя суставчатыми ножками. Ходилками, как называет их Казимир.

— Ладно, пойду за остальными схожу, — поднимаясь из-за стола, сказал я. — Вам тут и без меня есть о чем поговорить.

— Сходи, — согласился Олаф. — Только ты вот что, Леннарт Фартовый, калитку в воротах поплотнее за собой не забудь прикрыть. Заметет к утру, придется откапывать.

— Меня зовут Счастливец Леонард.

— Вот и я о том же. Ну что, Блез, наливай? Чтобы, так сказать, смазать ступицу колеса нашей беседы.

— Лео! — Завидев внезапно показавшегося из темноты меня, Рейчел вместо того, чтобы вздрогнуть от неожиданности, бросилась мне на шею. — Сердце мне подсказало, что это ты! А почему один? — заглядывая за спину, спросила она. — Где Головешка?

— Под лавкой валяется. — Когда выходил из зала, Тед сполз именно туда.

— О боги! Его убили?! Но Блез еще жив?!

— Если не поторопимся, окажется там же.

Не знаю, что там у Олафа насчет твердости бороды, но на выпивку он крепок.

— Бросаем все здесь, и вперед, ему на выручку! — воскликнул виконт Антуан, заодно проверяя, насколько легко выходит из ножен шпага.

Казимир, который предпочитал всему другому оружию, сколько ему ни предлагали, мотыгу, с готовностью перекинул ее из руки в руку.

— Вещи-то зачем бросать? — пожал плечами я. — Сейчас сани к тробору прицепим, и тогда уже в замок.

— Лео, ты что?! — возмутилась Рейчел. — Вдруг Блез из последних сил держится?! А мы тут барахлом озабочены!

Согласен, вполне возможно, что в случае с Блезом дело именно так и обстоит.

— Да успокойтесь вы наконец! Все живы-здоровы, и в замке врагов нет. Более того, мы найдем в нем приют. Думаю, отдохнем какое-то время, ну а затем уже дальше в путь.

Несколько раз я успел пожалеть, что не уговорил Блеза подождать до весны, насколько тогда все было бы проще. Но кто же мог знать, что зимы здесь настолько суровы? И как хорошо было бы остаться в замке до теплых времен.

Когда добрались до замка, рассвело полностью. Народу теперь хватало, но особого ажиотажа своим появлением мы не вызвали. Наверняка по той причине, что его хозяин Олаф всех предупредил.

— Значит, так, — начал распоряжаться я. — Идите вон в тот дом, где крыша похожа на длинное седло. Обогреетесь, а заодно вас накормят. И не забудьте захватить с собой тробора, ему тепло тоже будет не лишним.

— Господин Леонард, а что делать с Барри? — спросила Мэри.

Барри — бойцовый пес древней калхнийской породы. Огромный и покрытый густой шерстью. Вот кто переносил морозы легко, главное, покормить вовремя.

— Ничего не делать, Барри сам о себе позаботится.

Наверняка он узнает, где находится кухня, куда раньше всех остальных. И сразу же направится туда с визитом. С поварами, с его-то размерами, общий язык найдет легко. А спать он может прямо на снегу.

— Пойдем, милая, познакомлю тебя с Олафом, — подхватывая Рейчел под руку, сказал я.

Ей не мешало бы отдохнуть, но вначале необходимо представить хозяину замка. Иначе придет тому в голову познакомиться с Рейчел таким же образом, как и с Головешкой, и тогда, опасаясь, замок станет бесхозным.

Блез еще держался. Он вообще выглядел молодцом, разве что раскраснелся. Но в зале за время моего отсутствия изменилось многое — теперь за огромным столом свободным оставалось единственное место. Все остальные занимали, что нетрудно было сообразить, воины дружины Твердобородого. Но было поздно что-то уже менять.

— О, Леннарт вернулся! Так понимаю, это твоя леди? — увидел нас Олаф.

— Именно. Причем законная.

Я обвел предупреждающим взглядом заросшие бородами и покрытые шрамами хмурые лица его воинов. Куда уж законней, если мы с Рейчел прошли обряд бракосочета-

ния целых пять раз. Четыре из них вынужденно, и пятый, не так давно, по обоюдному согласию.

Затем, держа Рейчел под локоть, подошел к свободному месту. Ухватив за воротник какого-то типа с бритой по бокам головой, где виднелись татуировки драконов, и косицей на затылке, потянул на себя и, освобождая место, швырнул куда-то за спину.

— Здесь будет сидеть моя леда!

Суровые края, и порядки в них суровые. Но мне они начинали нравиться, ибо позволяли обходиться без лишних слов.

— Зря, наверное, — пожал плечами Олаф.

— Это еще почему?

— Бьерн Медвежья Лапа — берсерк, он сам привык так делать.

— Берсерк — это кто?

— Сейчас все поймешь. Лучше бы ты Сигмара Козьи Потроха, он все-таки попроще, — указал Олаф подбородком на воина, который находился по левую руку от Рейчел.

Наверное, действительно зря. Но раскаиваются в своих поступках только слабые люди, а показывать слабость в создавшейся ситуации категорически было нельзя. Между тем Бьерн, сидя на полу, очумело покрутил головой по сторонам, соображая, что с ним произошло, заглянул в кружку, которую продолжал держать в руке и чье содержимое вылилось при падении, зачем-то понюхал ее, отбросил в сторону... После чего стал подвывать, сначала тихо, а потом все громче и громче. Глаза у него при этом наливались кровью.

— Сейчас начнется! — с тяжелым вздохом сказал кто-то.

Пришлось встать.

— Олаф, — послышался за спиной голос Блеза. — Сейчас ты увидишь то, о чем тебе и говорил, — ну как лошадь копытом!

Лошадь не лошадь, но кулаком в челюсть Бьерна я приложился знатно. Не хватало еще, чтобы в мужских разборках пострадала Рейчел.

— Гляди-ка, не солгал! Медвежью Лапу, и с одного удара! Ладно, закиньте его на лавку, — распорядился Твердобородый. — Фартовый, а тебе и впрямь подходит твое имя — Леннарт.

— Меня зовут Счастливчик Леонард.

— Вот и я о том же, если судить по твоей красавице-леди.

Рейчел покрылась румянцем и смущенно захлопала ресницами.

— Да может быть, она нам тост скажет? Из уст такой красотки любой из них покажется божественным, — все не успокаивался Твердобородый.

Я посмотрел на Рейчел: только если сама пожелаешь.

— Я буду кратка, — поднимаясь на ноги с кружкой в руках, сказала она. — Прежде чем оказаться здесь, мне довелось побывать во многих странах. Так вот, мне есть с чем сравнивать, и Айсейнт — это земля настоящих мужчин! Настоящий мужчина — это мужество, и все вы здесь — его олицетворение!

Правда, осушать кружку с элем не стала, отпив из нее лишь глоток.

— Bravo, леди! — Рев за столом был таким, что потолок вздрогнул, а откуда-то издали донесся встревоженный лай собак.

Ну а мне в очередной раз с горечью пришлось вспомнить о постигшей меня беде, когда при переправе через горную реку умудрился потерять оберег: Рейчел за время тоста успела посмотреть на всех, но особенного взгляда, как мне показалось, удостоился именно Олаф.

Появился из-под лавки Головешка в мужской одежде, которую я предусмотрительно захватил с собой и, проходя мимо, закинул ему туда.

— О, лазутчик! — обрадовался Твердобородый. — Рад видеть тебя именно в таком образе. Надеюсь, теперь надолго?

Тед поморщился то ли от боли в трещавшей по швам голове, то ли при воспоминании о том, что ему пришлось напяливать на себя женское платье, и ответил коротко.

— Навсегда!

— Неплохой повод для того, чтобы выпить, — кивнул Олаф. — Да, Леннарт, — продолжил он после того, как все выпили. — Чтобы у тебя не сложилось о нас превратное представление, делаю тебе вызов.

— Да сколько угодно! — отмахнулся я. — Выбор за тобой — кулаки, ножи, мечи, секиры, копья, молоты и что там у все еще есть.

Как мне продолжало казаться, Рейчел поглядывала на Олафа с особенным интересом. Если так пойдет и дальше, придется отобрать у Казимира мотыгу и вонзить ему в башку в качестве превентивной меры.

«Проклятый оберег! — Я едва не скрежетал зубами. — Как же не вовремя он потерялся! И как бы он мне пригодился сейчас!»

Тот представлял собой элекит — драгоценный камень размером с вишню. Но ценность его была в другом — в уникальной способности. Оберег нагревается, когда у одного из супругов возникают блудные мысли. Не сами по себе блудные, а когда мужа или жену они начинают одолевать по отношению к постороннему человеку. И даже жечь кожу, когда мысли оборачиваются в дело. Подобного у нас с Рейчел еще не случалось, но элекиты были залогом того, что и не произойдет. Элекиты имелись у нас у обоих, пока свой я не потерял. Какое-то время тщательно скрывал этот факт, но все тайное однажды становится явным. Тогда-то я и предложил супруге носить элекит по очереди.

— Еще чего! — сказала она. — За себя я уверена, а за тобой глаз да глаз нужен!

Теперь всем понятно мое состояние?

— Нет, Леннарт, мечи и секиры нам не понадобятся, — мотнул головой Олаф.

— А что тогда?

— Вот это! — Твердобородый щелкнул ногтем указательного пальца по серебряной кружке так, что она зазвела подобно колоколу.

— На кружках биться будем? — продолжал недоумевать я.

— Можно сказать и так. Слабо тебе потягаться со мной — кто больше выпьет?

— Олаф, может, проще на секирах или мечях? Я Лео знаю, поверь мне, так будет лучше! — Блез говорил негромко, но до моего места долетало каждое его слово.

— Ха! А знаешь ли ты, почему меня прозвали Твердобородым? Да потому что никто еще не смог заставить меня согнуть ее об стол, сколько бы я ни выпил и с кем бы я не тягался. Олаф Твердобородый не какой-нибудь там лазутчик!

Головешка к тому времени, залпом выпив ковш медовой браги, снова спал под лавкой, собрав в комок платье Рейчел и удобно пристроив на нем голову.

— Да верю я тебе, Олаф, верю, тут в другом дело, — продолжал убеждать его Блез. — Лео, если выпьет много, становится подобен Бьерну Медвежья Лапа, причем надолго. А когда проспится, и сам ничего не помнит. Говорю же тебе, лучше на секирах. — И он потрогал свой немного свернутый на сторону нос.

— Лео?! — Как выяснилось, Рейчел слова Блеза слышала тоже.

Я лишь отвел глаза: сказать в свое оправдание нечего. Случилось такое единственный раз, но Блез прав полностью — ничего не помню, что со мной было. Даже почему у него оказался свернутым нос.

— Ну так что, Леннарт, принимаешь мой вызов? — отмахнувшись от Блеза, спросил Олаф Твердобородый.

Подумав немного, я кивнул. Если уж Блез не смог его убедить биться оружием, вряд ли удастся мне.

— Принимаю. Единственное... тебе нужно прийти в себя, иначе мы будем в неравных условиях.

— Благородный поступок, — сказал он. — Значит, так, сегодня-завтра я воздерживаюсь, ну а послезавтра приступим.

— Договорились. Пойдем, любимая. Ночь получилась бессонной, и не самое ли время отдохнуть?

— Козьи Потроха, покажи моим дорогим гостям их покои, — распорядился Олаф. — И не забудь, Леннарт: послезавтра здесь же и в этот час.

Покои оказались достаточно хороши — светло, тепло, просторно и мягкая постель: что еще нужно? Но меня по-прежнему продолжал мучить интерес Рейчел к Олафу. Сама Рейчел сидела у окна и расчесывала влажные после купания волосы. Я ходил из угла в угол, все не решаясь начать так интересующий меня разговор. Наконец не выдержал:

— Рейчел, а тебе не кажется, что ты на Олафа пялилась?

— И вовсе я на него не пялилась, еще чего!

— Но я же видел!

— Некоторые люди видят и эльфов с крылышками, но разве они существуют?

— Эльфы — это другое!

— А тут что?

— А тут ты на него пялилась!

— Ну посмотрела раз-другой, любопытно же! А ты сразу — пялилась.

— И чего в нем любопытного?

— Интересный мужчина, вот и все. Кстати, ты свой оберег так и не нашел? — с невинным выражением лица поинтересовалась она.

Понятно, что я вскипел.

— Сейчас я твой у тебя заберу!

— Ну и забирай. Я и сама его отдам. — И он руками Рейчел переместился с ее груди на мою. — Милый мой

Леннарт Фартовый, перестань забивать себе голову тем, чего нет, и пошли спать. Известно мне, когда именно ты становишься нервным, и сейчас тебе помогу. Я и сама начинаю нервничать, ведь у нас с тобой давненько не было возможности уединиться!

— Я — Счастливчик Леонард!

— Знаю. Только Леннарт мне тоже нравится, потому что на языке народа Блеза это имя означает «отважный». А ты у меня такой и есть.

ГЛАВА 3

Голова болела так, как не болела она никогда прежде. Я осторожно открыл один глаз, затем другой, чтобы осмотреться — где же я нахожусь? Солнечный свет ударил по ним, заставив снова зажмуриться. И все-таки понять удалось — в покоях, которые предоставил нам Олаф Твердобородый. И еще — Рейчел здесь нет. Где она?

Тогда-то ко мне и начали возвращаться воспоминания, смутные и расплывчатые. Нет, начало я помнил достаточно хорошо. Вот мы с Олафом оказываемся на противоположных краях стола. Посередине него стоит бочка, как вскоре выяснилось — с аквавитом. Рядом с ней — зажаренный целиком на вертеле баран. Все остальное пространство столешницы было заполнено блюдами так, как будто мы с Твердобородым не соревновались в тупости — кто кого перепьет, а вознамерились отметить какое-нибудь чрезвычайно знаменательное событие, причем всеми обитателями замка. Правил у предстоящего поединка, как удалось припомнить, было всего три.

Всегда выпивать полностью, тосты произносить по очереди и ни в коем случае не прятать руки под стол. Последнее меня озадачило.

— А это еще зачем?

— Чтобы не жульничал и не выливал, — пояснил Олаф, который, разминаясь, расхаживал по залу и размахивал

руками так, как будто собрался не пить, а встретиться со мной в кулачном бою. — Спрятал хотя бы одну из них пусть на миг, и все, сразу же проиграл. А вообще можешь их в петли просунуть, видишь их?

— Вижу.

Две кожаных петли на самом краю стола, продетые сквозь столешницу. А я-то все голову ломал — они-то на какой ляд нужны?

— Ну так что, приступим? — спросил Твердобородый, усаживаясь на место и просовывая в петли руки по локоть.

— Приступим, — выполняя такую же процедуру, согласился я.

Самому наливать не пришлось: для этого у нас были помощники. Всего их оказалось четыре, и два из них следили за тем, чтобы наливалось поровну.

— Помоги мне сам Громовержец! — торжественно провозгласил Олаф, а из рассказа Блеза я знал, что тот у них — верховый бог во всем пантеоне. — Ну, как водится, за знакомство! — После чего вылил содержимое лафитника в рот, даже не глотнув.

— За него!

Крепостью аквавит оказался сродни рому, джину или любому другому напитку из того же ряда и довольно неплох на вкус. Я выпил, отправил в рот шепот замечательной квашеной капусты с клюквой, а к тому времени лафитник вновь стоял передо мною полный до самых краев. И началось.

За что мы только не пили! За дружбу, любовь прекрасных дам, чтобы мечи не тупились, а лошади не хромали, чтобы враг убежал, едва только нас увидев, а сено в следующем году не сгнило из-за дождей. За то, чтобы у Олафа родился пятый сын, а у меня первый. Чтобы побыстрее сдох неизвестный мне проклятый Эйдвин Бычья Кость, который все никак не желает расплатиться с долгом. И чтобы сдох незнакомый Олафу проклятый Брестиль, заставивший нас с Рейчел и Головешкой покинуть родину.